



ЛитЮбилей



150 лет со дня рождения Леси Украинки



УДК 821.161.2 (Леся Украинка)

Икитян Людмила Нодариевна

Кандидат филологических наук,
главный редактор журнала «Гуманитарная парадигма»;
Российская Федерация, Армянск, e-mail: gp_glavred@mail.ru

**РЕЛИГИОЗНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОЕКЦИИ ГЕРОЕВ
«АКТИВНОЙ» ВЕРЫ: «ОДЕРЖИМАЯ» ЛЕСИ УКРАИНКИ**

В статье вводится понятие «активная вера», выявляются отличительные черты образа её носителя. Проблема «активной» веры рассмотрена как фактор духовной провокации главной героини пьесы Леси Украинки «Одержимая» (Мириам). Художественный дискурс драматической поэмы проанализирован в свете интертекстуальных сплетений с христианством, в частности, с новозаветным контекстом.

Ключевые слова: литература конца XIX – начала XX века, Леся Украинка, герой-актор, провокация, одержимость, апокриф, библейский интертекст.

Lyudmila N. Ikityan

PhD in Philological sciences, chief editor
of the journal «Humanitarian paradigm»;
Russian Federation, Armyansk

**RELIGIOUS AND ARTISTIC PROJECTIONS OF THE HEROES OF “ACTIVE”
FAITH: LESYA UKRAINKA’S “THE POSSESSED”**

Abstract. *The article introduces the concept of “active faith”, reveals the distinctive features of the image of its bearer. The problem of “active” faith is considered as a factor of spiritual provocation of the main character of Lesya Ukrainka’s play “The Possessed” (Miriam). The artistic discourse of the dramatic poem is analyzed in the light of intertextual intertwining with Christianity, in particular, with the New Testament context.*

Key words: *literature of the late XIX – early XX century, Lesya Ukrainka, hero-actor, provocation, obsession, apocrypha, biblical intertext.*

Для цитирования:

Икитян, Л. Н. Религиозно-художественные проекции героев «активной» веры: «Одержимая» Леси Украинки // Гуманитарная парадигма. 2021. № 1. (16). С. 6–12.

Даже непрофессионального знакомства с творчеством Леси Украинки достаточно для того, чтобы осознать новаторство поэтессы в сфере художественных форм и техник, «особость» тематики и образности её произведений. Также отчётливо осознаётся, что духовный мир личности представлен у поэтессы в уникальных измерениях своего времени.

В творческом активе всего европейского мировосприятия начала XX века центральное место занимает индивидуальность «на сломе», чья глубинная психология осмысливается в новой системе ценностей. Однако ключевые категории вырабатываемой системы нередко сопряжены с традиционной аксиологией, и, прежде всего, христианской — по принципу притяжений и отталкиваний. Современная наука о Лесе Украинке (в основном своём массиве) упрочила христианскую составляющую в качестве одной из мировоззренческих доминант творчества поэтессы. О том, что христианский дискурс формирует сквозной онтологический пласт художественного мира Леси Украинки, отмечено в трудах В. Агеевой, В. Антофийчука, И. Бетко, В. Гуменюка, Н. Зборовской, М. Моклицы, В. Сулимы, Л. Скупейко и др. Последний ставит точку в вопросе (анти)христианства Леси Украинки — концепции, укоренившейся в науке прошлого и спорной для современного исследователя: «...вопрос pro et contra христианства относительно Леси Украинки не актуален. Даже более: надуманное во времена „воинственного атеизма“, он в значительной мере дискредитирует и творчество писательницы, и современный литературоведческий дискурс в целом» [9, с. 64]

Сосуществование новой (модернисткой) и традиционной (христианской) установок в ценностном императиве начала XX века лишь на первый взгляд парадоксален. На самом деле в этот период христианство довольно скомпрометированное мировоззрение — в результате собственно переосмысления его на новых началах. Но актуальная в философско-культурном пространстве рубежа веков потребность в пересмотре извечных запросов человеческого бытия обуславливает обращение именно к библейским мифологемам [3]. Художники, тяготеющие к постановке этических проблем, освобождают героев Ветхого и Нового Заветов от строгого канона, по-новому интерпретируют их вне библейского «континуума», соотнося со злободневными нравственными или даже политическими запросами времени [1, с. 221]. При этом некоторыми писателями «глубинная архетипическая содержательная связь с первообразом Вечной Книги» [Там же] сохранялась. Но немало было и примеров, когда художник полемизировал с текстом-интерпретантом, перелицовывая саму суть того или иного образа: «Чаще это происходит в тех случаях, когда писатель заимствует эпизоды евангельских сказаний и вступает в соперничество с каноническими евангелистами, претендуя на роль „тринадцатого апостола“, через много веков истинно понявшего учение Спасителя» [Там же]. Творческая свобода художников предопределила «переоценку-ревизию» догматов, давно устоявшихся в культурном пространстве христианской цивилизации.

Искусство Леси Украинки в силу особых творческих реакций поэтессы во многом ориентировано на библейский контекст, через призму которого неизбежно рассмотрение её драматической поэмы «Одержимая» (1901). Как и у многих современников, интерес Леси Украинки вызывал универсалистский христианский миф о смерти и воскресении Сына Человеческого. Однако не менее увлекательными для поэтессы были и «многозначные паузы и недоговорённости библейского текста», творческой привлекательностью обладал «колоссальный внутренний потенциал непервостепенных фигур» [2, с. 20]. При этом в поэме «Одержимая» в центре художественных интерпретаций автора оказывались вопросы далеко не христианской аксиологии, а именно — достойны ли люди жертвы невинного Агнца? [6]. Наиважнейшим для автора в осмыслении этого вопроса выявляется острое неприятие человека-непротивленца, его удобной и безопасной жизненной философии. Даже лучшие из рода человеческого, те, кого Мессия избрал своими «глашатаями», — апостолы, столпы веры, — оказываются беспомощными. На их фоне фигура волевой и решительной в своих суждениях Мириам, бесспорно, выигрывает, а в тех, кто окружает Мессию, «её поражает их тупость, корыстность, приземлённость. Она видит, что ученики,

которых любит Мессия, ничтожны, вероломны, столь же корыстолюбивы, как и другие, и не способна понять необходимости любить этих людей...» [7, с. 22].

Для Леси Украинки высоко значимы деятельные инициативы личности, её самостоятельный поиск и критическое осмысление догмы, практические шаги для утверждения правды. В поэме «Одержимая» осмыслена социальная и культурная роль заглавной героини, творящей свою судьбу в схватке с несовершенством мира, для преодоления которого людей «необходимо подхлестывать бичом святой ненависти» [7, с. 22]. Следовательно, бунт Мириам вызван к жизни её жертвенным служением Идеалу, помноженным на провоцирование слабостей человеческого духа. Таковы проявления «активной» веры этой героини. В поэтике текста это выражается в обращении к христианскому мифу, который находит своё выражение в легендарно-мифологических структурах текста и дополняется фигурой героя-актора (лат. *astog* 'деятель') — действующего субъекта; инициатора действий, направленных на других, преобразователя, движимого определёнными мотивами. «...Мириам не проповедует, только осуществляет ревизию проповедей Мессии, а её позиции в полемике откровенно субъективны, личностны и не поддаются общему утверждению и распространению <...> поскольку они исходят из глубины души, от искренности чувств и страсти любовных страданий» [8, с. 12].

Мотивы действий акторов могут быть неоднозначны, как и их эмоциональные переживания. В бескомпромиссном, исключительно экспансивном желании защитить учение Миссии от врагов, Мириам «даже не задумывается над тем, есть ли необходимость в такой защите. Её порыв не поддаётся рациональным измерениям. И напрасно было бы убеждать Мириам в тщетности её самоотверженного бунта. <...> Своим бунтом против хулителей Спасителя, точнее, против примитивизации Его учения, героиня не спасает Его, и себя — губит. Но лишить Мириам страсти означает лишить права быть собой» [9, с. 18]. Непрояснёнными могут оставаться ожидания акторов, а также последствия их «преобразований». Но всё это не уменьшает значимость их действий, так как они понимаются «активным» героем как самостоятельное осмысление истины и её проверка в практике реальных, а не умозрительных межличностных отношений. Ценность для авторов активного волеизъявления как основы веры героев, даже если она крепнет в споре не просто с общепризнанным, а авторитетным учением, бесспорна. Голос Мириам «выразительно бунтарский — не только против толпы нововерцев-христиан, а и ... относительно всего учения самого Мессии, главных его заповедей. Стоит ли прислушиваться к этому голосу, который, в конце концов, мало что прибавляет самому евангельскому сюжету и добродетелям

Богочеловека...? Вероятно, да. Уже потому, что в этом голосе выражена позиция личности, возвысившейся над толпой, „одержимой духом“» [8, с. 15]. В художественном же плане несколько провокационный способ такой проверки позволяет более рельефно и чётко представить на суд читателя авторский замысел.

В мировой культуре герой «активной» веры представлен широко, и, как ни странно, культурно-историческая его перспектива берёт начало в Священном Писании [5, с. 45]. Образы активного дознавателя Божественного замысла предстают в библейских историях о «борьбе» с Богом Иакова, «тяжбе» Иова, «вольномудстве» Екклесиаста, сомнениях апостола Фомы и др. Того же рода и отстаивание Истины в подвижническом подвиге взыскующего ума, явленного Христом в борьбе с фарисеями и богохульствующими торговцами, попираателями храма, дома Господня. Христовы «войны» в качестве второй стороны конфликта обозначают толпу — образ с весьма специфичным наполнением. Такой интертекст Библии мы усматриваем в подвиге «активной» веры героини «Одержимой». В этой драматической поэме «впервые так чётко и выразительно вырисован главный морально-этический и философский оппонент Леси Украинки — толпа. Общность людей уже не именуется народом... — это скопище, это собранные воедино обезличенные люди, готовые идти за какой-либо негативной эмоцией, сбывая свою разрушительную энергию. Поодиночке боязливые и вероломные, они, собранные вместе, вершат неправый суд, судилище над другими, такими, как Мириам, гордыми духом» [7, с. 23]. Таким образом, линия философских допущений относительно смысла, значения, психологии поступка «вольномудствующей» героини Леси Украинки, символической сути сказанного и совершенного «одержимой» в своей конечной точке имеет проблему «человек и социум». Нетривиальным, но в общих абрисах укладывающимся в парадигму традиционных представлений об Ином, является мотив одержимости Мириам. Авторская трактовка «ненормальности» героини в свете духовного вызова-провокации вступает в конфликт с христианским толкованием одержимости как бесноватости. И хотя в истолковании Леси Украинки Мириам одержима не тлетворными для тела и духа человека страстями, а чувственными или мыслительными стихиями, всё же они предстают силами, не до конца прояснённой автором природы. При этом подобное изображение «последователей» Христа не нарушает конститутивного в христианстве права свободного выбора личности, даже в её отпадении от Абсолюта [см. 4].

Здесь примечательно и то, что художественные вариации Леси Украинки во многом апокрифичны. И обнаруживается это прежде всего в

самой Мириам, в интерференции в её образе линий Марии Магдалины и Матери Иисуса из народных преданий и колядок [10]. В этом сочетании усматриваем характерную для рубежа XIX – XX веков двойственность отношения к христианству: патриархальную и модернистскую позиции. Если первая исповедует главным принципом богобоязненность и догматизм (смирненное восприятие на веру), то вторая — свободна от каких-либо идеологем, исключительно субъективна и напряжённо инициативна. Мириам как адепт традиционной веры принимает учение Мессии, но как героиня модерна — а значит, ещё и выразитель веры «активной» — отвергает его умиротворённость и степенность. Пароксизмы её чувств к Учителю выдают на-гора парадоксы мысли:

Я всех должна любить? <...>

Всех без тебя — это возможно.

Но и тебя, и всех — нет, не по силам (перевод наш — Л. И.).

Сходство и расхождения ортодоксальной веры и веры «активной», олицетворяемых главными действующими лицами поэмы, могло бы ярко продемонстрировать изменение композиционной архитектоники произведения. Если в его центр, считает Ярослав Полищук, поставить не Миссию, а Мириам, то три проживаемых героиней «надлома» («три смерти», в терминологии исследователя), а именно — ненависть в результате утраты надежды на любовь Мессии; отчаяние и разрыв последних связей с миром в момент Его распятия; гибель от рук разъярённой толпы — предстали бы обратно пропорционально «трём смертям» Мессии — одиночеству, предательству, смерти на кресте. Всё это дало наглядную проекцию иного мироощущения [8, с. 16].

Можно с уверенностью утверждать, что в активе Леси Украинки категория «активная» вера соотносится с таким ёмким эстетическим феноменом, как авторская духовная аксиология. Глубинной основой «религиозности» поэтессы является традиционное христианство, но «трансформированное» в авторский миф, где «активная» вера персонажей вырастает на фоне их «искушений» миром и превращается в идейную одержимость человека. Последняя рождает веру-провокацию, в которой осуществляется ревизия онтологических основ сущего. При этом отсутствие у человека самостоятельной позиции, не выстраданной, а принятой им безотчётно, необдуманно или навязанной традицией, культом, авторитетом, — позиция дискуссионная даже в контексте Священного Писания и всей христианской догматики. Вопрос невежества, закоснелого или формализованного знания художниками слова переводится в эстетическую плоскость, в которой основные коллизии живого волевого акта героев

«активной» веры воспроизводятся исключительно из собственного авторского понимания идей добра, любви, свободы.

Литература

1. Бабицева, Ю. В. Библейские образы в пространстве русской художественной литературы // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура : материалы конференции (Вологда–Белозерск, июль 2000 г.) / Гл. ред. Г. В. Судаков. Вологда : Легия, 2001. С. 221–235.
2. Бетко, І. Драматична поема «Одержима»: проблема морального максималізму // Дивослово. 1995. № 2. С. 19–21.
3. Доманский, В. А. Евангельский сюжет об Иуде в интерпретации Л. Андреева, Т. Гедберга, Леси Украинки. Диалог авторов // Литература и культура: Культурологический подход к изучению словесности в школе : Методич. пособие. Томск : Томский гос. ун-т, 2002. С. 223–227.
4. Златоуст, Иоанн. О предательстве Иуды: Беседа первая [Электронный ресурс] // Творения Святого Отца Нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: в 9 т. Т. 2 : в 2 кн. Кн. 2. URL: <https://www.ccel.org/contrib/ru/Zlat21/Judah1.htm>
5. Икитян, Л. Н. «Активная вера» как фактор духовной провокации: библейский интертекст у Леонида Андреева и Леси Украинки // Творчість Лесі Українки та інших письменників і митців кінця ХІХ – початку ХХ століття у вимірах інтертекстуальності: Тези доповідей конференції (Симферополь, 28–30 октября 2015 г.). Симферополь, 2015. С. 44–47.
6. Костенко, Л. В. Поет, що ішов сходами гігантів // Українка, Леся. Драматичні твори. Київ : Дніпро, 1989. С. 19–20.
7. Моклиця, М. Pro et contra християнства (драматургія Лесі Українки) // // Слово і Час. 2001. № 6. С. 21–28.
8. Поліщук, Я. Три смерті — три вічності (пошуки сенсу життя в драматичній поемі Лесі Українки «Одержима») // Слово і Час. 2001. № 6. С. 11–21.
9. Скупейко, Л. Леся Українка й (анти)християнство (полемічні зауваги) // Біблія і культура. 2008. № 10. С. 59–64.
10. Тхорук, Р. Л. До питання інтертексту «Одержимої» Лесі Українки // Український модернізм зі столітньої відстані. Актуальні проблеми сучасної філології. Літературознавство : зб. наукових праць. Рівне, 2001. Вип. 10. С. 77–90.